

Содержание

- 6 От редактора
9 Список сокращений
- 11 *АЛЕКСЕЙ ВДОВИН. ЖИЗНЬ ПУБЛИЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: БИОГРАФИИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ*
- 12 Кто они?
16 Культурная история проституции
23 Биография Терезы Карловны Грюнвальд
53 Эпизод из жизни парижанки Эмилии Телье
64 Женщина у себя: быт и повседневность
70 Телесность
77 Аффективный обмен
- 89 *ПИСЬМА ПЕТЕРБУРГСКИХ И ПАРИЖСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ЖЕНЩИН СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА*
- 90 № 1–37. Письма Т.К. Грюнвальд Н.А. Добролюбову
172 № 38–50. Письма Т.К. Грюнвальд Н.Г. Чернышевскому
и Е.Н. и А.Н. Пыпиным
- 191 № 51. Письмо Клеманс Н.А. Добролюбову
193 № 52–66. Письма Эмилии Телье Н.А. Добролюбову
226 № 67–69. Письма трех парижанок Н.А. Добролюбову
231 № 70. Письмо неизвестной женщины Н.А. Добролюбову
- 232 Аннотированный именной указатель

От редактора

В предлагаемой читателю книге впервые публикуется уникальный для российской истории XIX в. комплекс документов — частные письма публичных женщин 1850–1860-х годов к известным русским критикам и писателям Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому, а также к историку литературы А.Н. Пыпину и его сестре Е.Н. Пыпиной. Основной массив текстов составляют письма Терезы Карловны Грюнвальд (Therese Grünwaldt, около 1837–1840 года рождения), с которой Добролюбов состоял в отношениях в 1856–1858 гг., а затем переписывался до своей смерти в 1861 г. Сохранившиеся письма Грюнвальд к Н.Г. Чернышевскому и его кузенам Пыпиным также включены в издание. Вторая подборка писем принадлежит парижской лоретке Эмили Телье (Émilie Tellier), с которой Добролюбов познакомился и вступил в отношения во время своего пребывания во Франции. Наконец, для полноты картины в томе печатаются три письма парижских лореток к Добролюбову, одно послание к нему от некой петербурженки Клеманс и письмо неизвестной женщины.

Письма на русском языке публикуются в целом в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, однако с сохранением речевых и стилистических ошибок и неточностей, передающих своеобразную манеру их создательниц. Употребление мягкого и твердого знаков приведено к современным правилам. Разделение текста на предложения и расстановка знаков препинания максимально приближены к современным нормам для удобства чтения, хотя следует оговорить, что некоторые письма представляют собой короткие записки на небольших клочках бумаги, написанные в спешке и часто без некоторых запятых, точек и деления на абзацы. Вместо них Т.К. Грюнвальд часто, но бессистемно использовала для отделения одной мысли или предложения от других длинное тире или нижний прочерк. Такие знаки не воспроизводятся в томе и заменены красной строкой. Некоторые случаи употребления заглавных букв, которые Грюнвальд, очевидно, использовала в русских существительных

по аналогии с немецкими (например, «Друг»), не передаются, и соответствующие слова даны со строчной буквы, за исключением слов, обозначающих конкретных людей по профессии («Директор», «Бабушка» и т.п.).

В немецких письмах Грюнвальд унифицировано написание начальных букв в некоторых местоимениях и существительных. Несмотря на то что в некоторых случаях местоимение Du (ты) написано с заглавной буквы, а все его производные с маленькой буквы, мы последовательно даем написание с маленькой. Точно так же местоимения ich / Ich, Ihn, Ihm даются в публикации со строчной буквы, несмотря на то что в рукописи любое i в начале местоимений написано с прописной. Очень часто в немецких письмах встречается g вместо ch (magst=machst, Unruhe=Unruhe, verzeige=verzeihe), а также иногда kömst вместо komst. Такие случаи сохранены и дополнены указанием современного написания в квадратных скобках. Кроме этого, по нормам орфографии того времени двойные согласные часто заменялись на письме одинарными (например, союз das вместо dass, komen вместо kommen); ey писалось вместо современного ei, th вместо t (например, в глаголе tun), k вместо ck и т.п. Все случаи такого написания сохранены для передачи особенностей орфографии середины XIX в., поскольку немецкие оригиналы писем Грюнвальд потенциально могут быть использованы исследователями в целях, далеко выходящих за пределы обозначенных в настоящем томе.

Французские письма Эмили Телье также весьма своеобразны: текст написан почти без знаков препинания, с многочисленными ошибками, опусканием некоторых глаголов, так что иногда очень трудно однозначно провести синтаксическое членение предложения и определить окончание одной мысли и начало другой. Для удобства чтения мы приняли решение ввести подстановки в квадратных скобках. В русском переводе они, естественно, не воспроизводятся, поэтому русский текст звучит более связно и гладко, нежели оригинал.

Приписки, сделанные в документе его автором, вносятся в строку и обозначаются фигурными скобками {}. Авторские скобки передаются круглыми скобками (), квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором. Угловые скобки <...> обозначают пропуск текста, <?> — датировку писем или предположительное чтение.

Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Авторские подчеркивания передаются курсивом. Подписи приводятся после текста документа справа, на том языке, на котором они были сделаны. Указанные в письмах даты и

города воспроизводятся в строке справа, если стоят перед текстом письма, и в строке слева, если расположены после текста.

В ссылках на публикуемые письма цифры после номера письма указывают на страницы настоящего издания.

Письма на немецком и французском языках публикуются на языке оригинала и в русском переводе. Расшифровка и перевод немецких текстов выполнены Юлией Барсуковой, французских — Анастасией Новиковой (письма Эмили Телье) и Франческой Лаццарин (письма Адели Батай, Марии Шолер и Сарры).

***

Перед тем как перейти к повествованию, считаю своим долгом выразить признательность коллегам, без которых эта книга не вышла бы. Прежде всего моя самая большая благодарность — сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ РАН «Пушкинский Дом» Т.С. Царьковой, М.М. Павловой и Е.С. Левшиной, которые помогали в работе с архивными рукописями, а Екатерина Сергеевна Левшина любезно согласилась сверить трудные места в письмах в период пандемии. Без самоотверженной помощи Татьяны Кузьминичны Шор, взявшей на себя расшифровку и перевод судебного дела Т.К. Грюнвальд из Национального архива Эстонии, я не смог бы опираться на него в реконструкции биографии этой женщины. Маргарита Вайсман в нужный момент дала исключительно полезную консультацию касательно новейшей историографии проституции в императорской России. Коллин Люси (Colleen Lucey) щедро поделилась со мной не только рукописью своей монографии, посвященной изображению проституции в русской литературе и прессе второй половины XIX в., но и цифровой копией редкого альбома художника А.И. Лебедева «Погибшие и милые создания» (1862). Отдельная благодарность — Шивон Хирн (Siobhán Hearne), любезно предоставившей мне доступ к тексту своей книги о контроле за проституцией в России конца императорского периода, а также Павлу Успенскому и Андрею Федотову, прочитавшим рукопись книги и поделившимися полезными соображениями.

Еще раз не могу не выразить признательность коллегам, которые помогали с переводами и поиском источников на самых разных стадиях работы, — Юлии Барсуковой, Анастасии Новиковой, Франческе Лаццарин, Полине Варфоломеевой. Д.А. Кондаков оказал неоценимую помощь в редактировании перевода писем с французского языка.

Особая роль в придании этой книге ее итогового облика принадлежит рецензентам — Н.Л. Пушкиревой и М.М. Пироговской, благодаря

советам, замечаниям и рекомендациям которых мне удалось восполнить некоторые существенные лакуны и уточнить многие формулировки и понятия.

Наконец (но, конечно, не в последнюю очередь) на протяжении всей работы над книгой рядом со мной был человек, с которым обсуждались наиболее трудные исследовательские, переводческие и логистические решения (от названия до элементов комментария), — это моя супруга Анастасия: степень моей благодарности едва ли поддается вербализации.

Разумеется, вся ответственность за возможные огрехи остается на мне.

А. Вдовин

Список сокращений

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

Жизнь
публичной женщины
середины XIX века:
биографии
и повседневность

Алексей Вдовин

Кто они?

Жизнь маргинальных, безгласных и угнетенных социальных групп и субкультур давно сделалась самостоятельным объектом социологического, историко-культурного и антропологического изучения. Если говорить об истории и повседневности Российской империи, то объектом внимания историков и культурологов все чаще становятся такие представители социального дна, как воры, юродивые, нищие и, конечно же, проститутки¹. В последнем случае, однако, произнесение самого слова «проститутки» немедленно влечет за собой вопрос: правомерно ли сегодня, в XXI в., использовать это понятие, вряд ли полностью нейтральное? Есть ли другие варианты?

Исследователи феномена проституции, которая, как легко догадаться, никуда не исчезла и принимает самые разные формы, различают сегодня как минимум четыре парадигмы или модели ее осмысления и концептуализации — как отклонения (*deviation*), как угнетения (*oppression*), как сексуального труда (*sex work*) и как транзакционного/тактического секса/«секса по расчету» (*transactional/tactical sex*)². Хотя исторически эти парадигмы приходили на смену друг другу, некоторые из них могли сосуществовать параллельно и сосуществуют до сих пор. Наиболее устойчивая для Нового времени модель — отклонения/девиации, в рамках которой проституция и проститутки рассматриваются как явное отклонение от сексуальной и поведенческой нормы и, соответственно, криминализируются. Следуя именно этой модели, многие государства Европы и других регионов мира, в том числе и Россия, на протяжении XIX в. предпринимали попытки взять торговлю телом под государственный контроль и создавали для этого целую систему надзора и регистрации

¹ См. наиболее значительные исследования: *Либина Н.Б., Шкарковский М.В. Проституция в Петербурге (40-е годы XIX в. — 40-е годы XX в.)*. М.: Прогресс-академия, 1994; *Bernstein L. Sonia's Daughters: Prostitutes and their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press, 1995; *Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина*. М.: Молодая гвардия, 2012; *Gerasimov I. Plebeian Modernity: Social Practices, Illegality and the Urban Poor in Russia, 1906–1916*. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2018.

² *Rodríguez García M., van Nederveen Meerkerk E., van Voss L.H. Selling Sex in World Cities, 1600s–2000s: An Introduction // Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s–2000s / M. Rodríguez García, E. van Nederveen Meerkerk, L. Heerma van Voss (eds)*. Leiden: Brill, 2017. P. 4–10. Здесь и далее история социальной регуляции проституции описывается с опорой на эту коллективную монографию.

(ее можно назвать регуляционизмом), в рамках которой сексуальные услуги и стали именоваться проституцией и наделяться особым смыслом как ненормальное, нездоровое и подчас даже порочное поведение. В качестве реакции на эту модель и как способ противостоять ей уже в XIX в. возникла контрпарадигма, оправдывающая поведение публичных женщин и призывающая увидеть в них несчастных жертв обстоятельств — иными словами, проститулируемых как бы помимо их собственной воли. Этот «искупающий» взгляд на «порочных» женщин складывался параллельно с развитием феминизма и зарождением движения за права женщин и остается тесно связан с ними и по сей день³.

Наряду с указанными в XX в. возникли и иные модели осмысления проституции, вызванные к жизни как существенным расширением и усложнением самого спектра коммерческих услуг и форм сексуальной торговли и обмена, так и включением в дискуссию самих продавщиц и продавцов своих тел. Отсюда у исследователей возникла необходимость различать насильственное/вынужденное занятие проституцией (включая крайнюю и наиболее бесчеловечную форму склонения к проституции — торговлю людьми и сексуальное рабство) и добровольный, транзакционный, или «тактический секс», который может принимать самые разные формы — от интернет-услуг до сексуального туризма и эскорта. Последние, как полагают некоторые исследователи и активисты, должны рассматриваться в рамках изучения рынка труда (а этот его сегмент, включая теневой, огромен), защиты трудовых прав, экономического и правового регулирования и т.д. Навешивание устарелых и глубоко укорененных в российской культуре ярлыков «проституция» и «проститутка» на современные и многообразные формы сексуальной торговли вряд ли продуктивно и едва ли приближает нас к пониманию причин устойчивости этого феномена.

Одним словом, понятия, которыми мы пользуемся для обозначения сферы обмена сексуальными услугами, отнюдь не нейтральны: они идеологически нагружены, и за каждым понятием стоит определенная система ценностей, а то и особая политика. Именно поэтому, прежде

³ В 2020 г. на Youtube-канале «Домашний» вышел документальный мини-сериал «Ночная смена» о жизни современных проституток и секс-работниц в различных городах России. Создатели попытались уйти от трактовки сексуальных услуг как проституции и предложили гораздо более сложную картину, предоставив слово самим героиням, а также представительницам движения секс-работниц «Серебряная роза». В том же 2020-м на канале more.tv состоялась премьера сериала «Чики», снятого в жанре комедийной драмы.

чем перейти к рассмотрению уникальных документов, которые лежат в основе предлагаемой читателю книги, важно оговорить, какие понятия в ней будут использоваться и почему.

Поскольку книга эта вовсе не о современной проституции, а о том, как жили и продавали сексуальные услуги женщины в Петербурге и Париже конца 1850-х — начала 1860-х годов, вполне исторически правомерно применять именно понятие «проституция» в качестве базового для обозначения сферы сексуального торга, подлежавшего регулированию и в России, и во Франции⁴. Однако когда речь пойдет о конкретных женщинах — героинях повествования, понятие «проститутка» не будет нами использоваться как чрезмерно нагруженное дополнительными негативными (морализирующими) коннотациями, указывающими на нравственные качества субъекта⁵. Вместо него я обращаюсь к «эмическому» (т.е. данному изнутри самого описываемого сообщества) и компромиссному словосочетанию «публичная женщина» и другим более или менее нейтральным синонимам, акцентирующим внимание на предоставлении сексуальных услуг, а не на моральных качествах женщин. Насколько это возможно, я стараюсь минимизировать осуждающий или оценивающий тон в повествовании и избегать распространенных в XIX в. мифов о публичных женщинах как якобы врожденно ущербных в нравственном плане, хотя подобные мифы и окажутся в зоне нашего внимания. При этом выбор такой стратегии отнюдь не означает, что я снимаю с героинь книги всякую ответственность за их поведение и возвращаюсь к дискурсу оправдания и искупления («падшие», «Магдалины XIX века», «погибшие, но милые созданыя», «грешницы» — вот далеко не полный перечень выражений, бывших в ходу в XIX столетии как в России, так и в других странах Европы⁶). Напротив, попытка придерживаться нейтрального

⁴ Как показывают источники (НКРЯ, google.books и медицинская литература), это понятие входит в широкое употребление в русском языке только начиная с 1860-х годов и распространяется из научной медицинской литературы в публицистику.

⁵ Ф.Г. Бланшетт напоминает, что понятие «проституция», «сутенер» и подобные им являются эмическими (emic) категориями, т.е. используемыми самими участниками изучаемых процессов. Именно это обстоятельство делает их нагруженными этическими и другими ценностными коннотациями. См.: *Blanchette Th.G. Seeing Beyond Prostitution: Agency and the Organization of Sex Work // Selling Sex in the City... P. 751.*

⁶ И.А. Ролдугина обратила внимание, что в материалах допросов публичных женщин в петербургском Калинкинском доме в 1750-е годы они ни разу не именовались «грешницами» или «падшими» (*Ролдугина И.А. «Бляцкие дома и непотребные женки и девки»: возникновение субкультуры проституции в*

словоупотребления расчищает путь к более взвешенному и непредвзятому анализу решений и поступков женщин, вовлеченных в сексуальный обмен, их саморепрезентации и эмоционального мира. Более того, ниже речь пойдет об их агентности (agency) — социологически понимаемой способности совершать выбор в предлагаемых обстоятельствах и действовать самостоятельно⁷. Публикуемые в книге письма предоставляют историку, социологу и культурологу богатый материал для описания и объяснения механизмов вовлечения в проституцию и ее потребления клиентами, которые, разумеется, являются не менее важным элементом системы торговли сексуальными услугами.

Итак, героини этой книги — жительницы Петербурга и Парижа, двух крупнейших мегаполисов Европы середины XIX столетия. В архиве известного русского критика Н.А. Добролюбова (ИРЛИ «Пушкинский Дом» РАН) сохранились письма от публичных женщин, с которыми у него были отношения разной степени длительности и серьезности⁸. Больше всего писем принадлежит перу двух женщин — Терезы Карловны Грюнвальд (Therese Grünwaldt) и Эмили Телье (Émilie Tellier), оставивших заметный след в биографии Добролюбова. Во второй части книги эти письма впервые публикуются в оригиналах и русских переводах без каких бы то ни было купюр. В дополнение к ним помещены несколько писем других, подчас безымянных женщин, которые оказывали критику услуги сексуального характера (парижанок Сарры, Адель и Марии, а также

Санкт-Петербурге в середине XVIII в. // Гендерные аспекты социогуманитарного знания-II. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Пермь, 2013. С. 228). Скорее всего, окрашенные христианскими коннотациями определения, объявляющие женщину, продающую тело, падшей и совершающей тяжкий грех, распространились в публичном дискурсе только в 1840–1850-е годы. О культурной мифологии падших женщин и моде на их спасение в середине XIX в. см.: *Вдовин А.В. Добролюбов: разночинец между духом и плотью. (Жизнь замечательных людей)*. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 99–101.

Характерно, что уже в 1860-е годы в России начали появляться тексты, ставившие под сомнение идеологию спасения и перевоспитания публичных женщин. Так, в романе «Петербургские трущобы» В.В. Крестовский высмеял учреждение нравственных приютов-лечебниц, устраиваемых актрисой Лицедеевой. Попавшая в приют Маша Поветина отказывается признать себя «падшей» и ежедневно выслушивать проповеди о своей греховности (*Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Т. 2. Л.: Худлит, 1990. С. 525*).

⁷ См., например: *Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. Изд. 2-е. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. С. 43–48.*

⁸ Письма сохранились благодаря ближайшему другу и душеприказчику Добролюбова — Н.Г. Чернышевскому, разобравшему архив после смерти критика.

двух петербурженок — Клеманс и неизвестной женщины). Кроме того, для полноты картины в книгу включены также письма Т.К. Грюнвальд Н.Г. Чернышевскому и Е.Н. и А.Н. Пыпиным (его кузине и кузену)⁹. К сожалению, за исключением одного письма Чернышевского к Грюнвальд, вся переписка — односторонняя. Письма Добролюбова к женщинам не сохранились (часть его писем и вовсе погибла в пожаре на съемной квартире Грюнвальд еще при его жизни).

Культурная история проституции

Героинь нашей книги Терезу Грюнвальд, Эмилию Телье, Клеманс и других связывает между собой мужчина — Николай Александрович Добролюбов. Его личность традиционно была окружена в истории русской культуры ореолом святости. Многим еще со школы памятливы знаменитые строки из хрестоматийного стихотворения Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова» (1864):

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил...

Некрасов не стеснялся манипулировать биографическим материалом в угоду своему стремлению создать цельный образ аскетичного юноши-гения, отрешившегося от всего плотского и принесшего личную жизнь в жертву общественному служению¹⁰. Логика разночинского мифа о «новых людях» диктовала именно такие рамки. Однако обстоятельства реальной жизни одного из ведущих русских критиков, как и многих других разночинцев середины XIX в., лишь в весьма ограниченной степени соответствовали этому культурному мифу. В реальности же Добролюбов начал посещать бордели еще в конце 1856 г., во время обучения на последнем курсе петербургского Главного педагогического института (а возможно, и раньше) и продолжал это делать, с некоторыми перерывами, вплоть

⁹ Биографы Добролюбова давно знали об этих письмах. См. подробнее: *Вдовин А.В. Добролюбов... С. 95–99.*

¹⁰ О роли Некрасова в создании посмертного культа Добролюбова см. подробнее: *Вдовин А.В. Добролюбов... С. 235–245.*

до 1861 г., пока тяжело не заболел¹¹. Контакты Добролюбова с публичными женщинами не ограничивались, однако, разовыми посещениями: с некоторыми из них он стремился выстроить устойчивые отношения. Наиболее длительной оказалась связь критика с уже упомянутой Терезой Карловной Грюнвальд, которая сначала принимала его в борделе, а затем стала его сожительницей. По мере охлаждения отношений между ними Добролюбов начинает прибегать к услугам некоей Клеманс (ее письмо к критику также публикуется в настоящем томе). Можно предполагать, что у него были случайные связи и с другими публичными женщинами, но они не отразились в доступных нам источниках. Оказавшись в Париже, Добролюбов вступил в связь с публичной женщиной Эмилией Телье. Их отношения продолжались примерно полтора месяца, а переписка — почти полгода. Только в Италии автор статьи «Что такое обломовщина?» нашел женщину, судя во всему, из добропорядочной семьи и даже сделал ей предложение, из которого, правда, ничего не вышло¹².

В контексте мужской сексуальной морали XIX в. в таком поведении Добролюбова не было ничего необычного. Несмотря на официально декларируемое церковью и светской властью осуждение и публичных женщин, и тех, кто пользовался их услугами, рынок сексуальных услуг процветал. Более того, характерный для XIX в. так называемый двойной стандарт предписывал женщинам хранить целомудрие, а мужчинам — для поддержания физического здоровья до женитьбы (как минимум) пользоваться услугами публичных женщин. Подобные представления отразились в многочисленных мемуарах и художественных текстах той эпохи, в частности, в хрестоматийном анекдоте из пушкинского «Table-talk»: «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. “Я женат”, — отвечал Рылеев. “Так что же, — сказал Дельвиг, — разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?”»¹³. Дневник известного критика и беллетриста А.В. Дружинина пестрит упоминаниями о «разврате» (или «чернокнижии», как он его называл) и поездках по борделям. Наконец, Л.Н. Толстой, до свадьбы сам охотно и часто прибегавший к услугам публичных женщин и крестьянок Ясной Поляны, устами Позднышева дал в «Крейцеровой сонате» впечатляющий обзор

¹¹ Чернышевский так характеризовал Добролюбова в разговоре с отбывавшем вместе с ним каторгу Сергеем Стахевичем: «Добролюбов был очень влюбчив. Пассий у него было много» (Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Ю.Г. Оксмана. Саратов: Саратов. кн. изд-во, 1959. С. 87).

¹² См. Вдовин А.В. Добролюбов... С. 220–221.

¹³ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 7. С. 209.

наиболее типичных моделей сексуального поведения того времени, характерных для дворянской молодежи.

Похождения Добролюбова невозможно поэтому воспринимать как нечто уникальное. Если что и может поразить читателя, так это именно контраст между хрестоматийным образом сухого критика-демократа и реалиями жизни страстного юноши (напомним, он прожил всего 25 лет), искавшего не только сдельной, но и настоящей любви и семейного счастья. Противопоставление двух ипостасей Добролюбова — результат по-смертной мифологизации его личности и побочный продукт его культа, насаждавшегося с легкой руки Чернышевского и Некрасова¹⁴. При жизни критик, хотя и был буквально раздираем противоречиями между духом и плотью, разумом и страстями, все же пытался их примирить между собой с помощью напряженной рефлексии, хотя и безуспешно.

Расспрашивая несчастных обитателей публичных домов об их жизни, Добролюбов мучительно размышлял над тем, как уйти от однозначно осуждающего и криминализирующего разговора о проституции и разработать более гибкий подход к ее описанию. Здесь необходимо привести обширную выдержку из дневника критика:

Признаюсь, мне грустно смотреть на них, грустно, потому что они не заслуживают обыкновенно того презрения, которому подвергаются. Собственно говоря, их торг чем же подлее и ниже... ну хоть нашего учительского торга, когда мы нанимаемся у правительства учить тому, чего сами не знаем, и проповедовать мысли, которым сами решительно не верим? Чем выше этих женщин кормилицы, оставляющие собственных детей и продающие свое молоко чужим, писцы, продающие свой ум, внимание, руки, глаза в распоряжение своего секретаря или столоначальника, фокусники, ходящие на голове и на руках и обедающие ногами, певцы, продающие свой голос, то есть жертвующие горлом и грудью для наслаждения зрителей, заплативших за вход в театр, и т.п.? И здесь, как там, вред физиологический, лишение себя свободы, унижение разумной природы своей... Разница только в членах, которые продаются... Но там торговля идет самыми священными чувствами, дело идет о супружеской любви!.. А материнская любовь кормилицы разве меньше значит?.. А чувство живого, непосредственного наслаждения искусством — разве не так же бессовестно продавать? Певец, который тянет всегда одинаково, всегда одну заученную ноту, с одним и тем же изгибом голоса и выражением лица — и притом не тогда, когда ему самому хочется, а когда требует публика, актер, против своей воли обязанный смешить других, когда у него кошки скребут на сердце, — разве они вольны в своих чувствах, разве они не так же и даже еще не более жалки,

¹⁴ См. подробнее: Вдовин А.В. Добролюбов... С. 239–264.

чем какая-нибудь Аспазия Мещанской улицы или Щербакова переуллка? Эти по крайней мере не притворяются влюбленными в тех, с кого берут деньги, а просто и честно торгуют... Разумеется, жаль, что может существовать подобная торговля, но надобно же быть справедливым... Можно жалеть их, но обвинять их — никогда!¹⁵

В этой дневниковой записи многое примечательно. Держа в уме основные парадигмы осмысления проституции, нельзя не заметить здесь мотивы, характерные для сразу двух из них — для парадигмы угнетения и парадигмы сексуального труда. Добролюбов, который, как и следовало ожидать, ни разу не пользуется в своих дневниках и письмах словами «проституция» или «проститутка», сначала выводит торговлю телом из зоны заведомо осуждаемого, а затем вводит ее в круг других видов трудовых отношений (по аналогии с трудом артистов, критиков, репетиторов и т.п.). Кроме этого, критик, не понаслышке знавший о том, в каких реальных условиях работают эти женщины, затронул в своих записях широкий спектр острых проблем, которые в полной мере были осознаны только в XX и XXI вв.¹⁶ Осознание это стало возможным в первую очередь благодаря развитию гендерной теории и истории, а также истории повседневности, которые начиная с середины XX в. постепенно сделали женское письмо и женскую субъектность полноправным предметом антропологических, социологических, исторических, культурологических, литературоведческих и других исследований¹⁷. Когда речь идет о

¹⁵ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Б.И. Бурсова и др. Т. 8. М.; Л.: Гослитгиздат, 1964. С. 510–511.

¹⁶ Об эмансипаторных проектах и идеологии разночинцев 1850–1860-х годов см.: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. М.: РОССПЭН, 2004; *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. С. 39–65; *Пушкарева Н.Л.* «Мы не удовлетворены, потому что мы идеалисты...»: отношение к теме сексуального в среде революционеров-демократов XIX века // *Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 270–280.

¹⁷ Очерк истории западной гендерной теории и ее российской адаптации см.: *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007; *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX века. СПб.: Алетейя, 2014. С. 17–64. Больше всего исследований женской повседневности представительниц разных сословий России XIX в. написано о представительницах дворянского и крестьянского сословий, хотя за последние десятилетия появились работы и о других сословиях и стратах. См.: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — нач. XIX в.). М.: Ладомир,

повседневности и жизненных практиках публичных женщин середины XIX в., задача усложняется вдвойне, поскольку на традиционную для гендерных исследований проблематику накладывается специфика именно этой депривированной и вдвойне маргинализованной социальной группы. Разумеется, серьезное исследование, непротиворечиво и методологически корректно объединяющее эти две оптики, сложно развернуть на материале писем лишь двух женщин, причем женщин, принадлежащих географически и социокультурно удаленным друг от друга пространствам (Петербурга и Парижа)¹⁸. Основное внимание при подготовке этого тома было решено поэтому сосредоточить все-таки на практиках, связанных с проституцией; тем не менее, по мере возможности, гендерная оптика также будет так или иначе «включаться», когда речь пойдет о телесности и эмоциональности героинь книги.

Говоря о проституции, исследователи сегодня настаивают на разработке в первую очередь ее «культурной истории» как совокупности повседневных практик сексуального обмена, в который вовлечено множество акторов (клиенты, посредники, торговцы, хозяева публичных домов, полиция, поставщики разного рода, арендодатели и многие другие), а отнюдь не только женщины. Более того, понимание проституции как культурно и социально обусловленного явления закономерно предполагает ее рассмотрение в увязке с целым спектром смежных областей и дисциплин — истории искусства, этики, потребления, изучения семьи, индустрии развлечений, туризма, спорта, гендерных истории и теории, городских исследований, истории сексуальности, преступности, гражданства, идентичности и др.¹⁹

Данная книга, конечно же, не может претендовать на роль такого рода истории проституции в России. Моя задача гораздо скромнее — в первую очередь ввести в оборот полезные для исследователей и интересные для широкого читателя эго-документы середины XIX столетия и предложить, под каким углом зрения на них можно смотреть и

1997; *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002; *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева.* М.: Новое литературное обозрение, 2013; и др.

¹⁸ Особую сложность представляла бы попытка расширить описываемую нами картину, чтобы учесть также малочисленные свидетельства о различных формах мужской проституции в России XIX в.

¹⁹ См. программную статью: *Agustin L.* New Research Directions: The Cultural Study of Commercial Sex // *Sexualities*. 2005. Vol. 8. P. 618–631.

как именно их стоит использовать для изучения обозначенной выше проблематики.

В первую очередь эти письма — яркий исторический источник, доносящий до нас из прошлого голоса представительниц низших сословий, которые крайне редко доходят до будущих поколений. В русской историографии найдется очень мало опубликованных документов личного происхождения — писем, дневников и мемуаров²⁰, — позволяющих расслышать эти голоса и выстроить на их основе какой бы то ни было связный биографический рассказ о повседневной жизни женщин, торговавших собой в Российской империи. Обычно историкам приходится опираться не на автобиографические, а на косвенные свидетельства — полицейские и медицинские отчеты (в том числе специальных больниц для проституток)²¹, протоколы врачебных освидетельствований, материалы судебных процессов, мемуары, мнения публицистов-современников, феминисток, художественные (так называемые физиологические) и этнографические очерки и даже романы — например, знаменитые «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского или повесть «Яма» А.И. Куприна. Более того, даже если в распоряжении исследователей и оказываются какие-либо документы (официальные или личные) публичных женщин, в большинстве случаев они связаны с зарегистрированными («билетными») и с камелиями-содержанками. Именно эти две категории больше всего «видимы» и различимы на карте проституции XIX столетия, поскольку первые с 1843 г. подлежали официальному контролю и были объектом статистической отчетности, а вторые, как правило, были грамотными и часто жили на содержании у известных и/или обеспеченных людей, в архивах которых и могли откладываться письма этих дам полусвета²². Другие же

²⁰ Для сравнения, историки французской проституции обращаются к мемуарам Элизабеты-Селесты Венар, графини де Шабрилан, более известной по сценическому псевдониму Селеста Могадор, которая в юности некоторое время была вынуждена зарабатывать проституцией.

²¹ См., например: Ролдугина И. Открытие сексуальности: Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 29–69; Feduykin I. Sex in the City that Peter Built: The Demimonde and Sociability in Mid-Eighteenth Century St. Petersburg // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. No. 4. P. 907–930; Connor S.P. The Paradoxes and Contradictions of Prostitution in Paris // *Selling Sex in the City...* P. 174.

²² Пример работы с первым типом источников (прошениями зарегистрированных публичных женщин) представлен в книге: *Hearne S. Policing Prostitution. Regulating the Lower Classes in Late Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2021 (глава 1). Благодарю автора за возможность познакомиться с

категории женщин, оказывавших сексуальные услуги, но не регистрировавшихся органами врачебно-полицейского надзора (как в России, так и во Франции), т.е. фактически свободных, почти не оставили после себя письменных свидетельств и нам сегодня практически не видны. Более того, многими врачами и администраторами XIX в. эти «тайные проститутки» могли рассматриваться вовсе не как публичные женщины, а как «торгующие телом», или, говоря современным языком, предоставляющие сексуальные услуги по собственному желанию, и тем самым как бы выпадают из зоны того, что считалось проституцией в узком смысле слова.

В этом смысле письма, публикуемые в предлагаемом читателю томе, воскрешают быт, повседневность и эмоции той части женского населения Петербурга и Парижа, которая сложнее всего поддается описанию и изучению. Ниже я попытаюсь проанализировать, хотя бы в первом приближении, повседневную жизнь Т.К. Грюнвальд и Э. Телье, их эмоциональный мир, стратегии саморепрезентации и, насколько возможно, проявления их женской телесности. Меняется угол зрения — и источник начинает говорить, сообщая нам то, что не было очевидно ранее. В этом смысле письма потенциально богаты содержанием, которое может быть по-разному интересно специалистам, представляющим самые разные области знания. При этом письма, разумеется, интересны и сами по себе — как личные документы, свидетельства исторически конкретного частного опыта во всем многообразии его проявлений.

Наконец, кратко обозначенные современные подходы к изучению феномена проституции позволяют дать более логичное и непредвзятое объяснение поведению Терезы Карловны Грюнвальд и Эмили Телье. Обе женщины, скорее всего, не были зарегистрированы в системе надзора, а Тереза с момента ее ухода из дома терпимости благодаря помощи Добролюбова и вовсе изменила статус, по крайней мере на какое-то время, и стала жить на содержании у возлюбленного, поэтому вряд ли к ней применим один и тот же ярлык на всем протяжении ее жизни. Поведенческие, мировоззренческие, риторические и эмоциональные модели, проявляющиеся в публикуемых письмах, могли меняться во времени и, в случае Терезы, явно эволюционировали, что побуждает нас отрешиться от готовых формулировок и увидеть сложный и противоречивый человеческий опыт. Однако прежде чем говорить о сложных и не поддающихся

рукописью книги до ее выхода. Пример второго подхода см.: Письма Селины Поттше-Лэфрен к Николаю Некрасову / публ. и коммент. М.Ю. Степиной // Карабиха: Ист.-лит. сборник. Вып. V. Ярославль, 2006. С. 187–195.

однозначной трактовке аспектах их жизни, нужно познакомить читателя с биографиями двух главных героинь этой книги.

Биография Терезы Карловны Грюнвальд

«Разговорить» источники и документы и рассказать как можно более полную историю жизни Терезы Карловны Грюнвальд оказалось непросто²³. Благодаря ее письмам к Добролюбову можно хотя бы в общих чертах восстановить фактическую канву ее биографии, а также представить себе речевую стилистику, интонацию, уровень образования этой женщины. Другим важным источником для биографической реконструкции являются дневники Добролюбова и его переписка с Чернышевским и другими близкими друзьями, которые были знакомы с Грюнвальд²⁴.

Тереза Карловна родилась 19 февраля²⁵ в конце 1830-х годов: точный год ее рождения установить не удалось, но из дневника Добролюбова нам известно, что в начале 1857 г. ей не было и 20 лет. Родным языком Грюнвальд был немецкий, на котором она изъяснялась гораздо свободнее и правильнее, чем на русском. Можно предположить, что вероисповедания она была лютеранского. Вероятность того, что Грюнвальд происходила из остзейских немцев Эстляндии или Лифляндии, совсем небольшая — никаких подтверждений этому ни в ее письмах, ни в архивных источниках не находится. Возможно, она происходила из петербургских немцев. Ценнейшее свидетельство о ранних годах Грюнвальд оставил Н.Г. Чернышевский:

²³ В частности, я не предпринимал поисков метрических записей о рождении Грюнвальд в архивах Санкт-Петербурга. С одной стороны, такая работа чрезвычайно трудоемка, а с другой — ее результат с самого начала совершенно непредсказуем (например, легко допустить, что Грюнвальд родилась не в Петербурге).

²⁴ Должен признать, что реконструкция биографии Т.К. Грюнвальд оказалась для меня нетривиальной задачей. Если в биографии Добролюбова (Вдовин А.В. Добролюбов...) истории Грюнвальд и Телье были рассказаны преимущественно с точки зрения Добролюбова (по крайней мере, в перспективе его биографии), то здесь мне пришлось полностью перестроить оптику, изменить фокус, встав на их точку зрения, отрешиться от некоторых привычных представлений. В связи с этим одни и те же эпизоды в книге о Добролюбове и здесь могут оцениваться и трактоваться диаметрально противоположным образом. Сначала этот факт привел меня в замешательство, но по мере написания книги я утвердился в мысли, что это нормальная ситуация, которая и позволяет нам учитывать и познавать чужой опыт, неочевидный для нас и требующий усилий для того, чтобы быть прочувствованным.

²⁵ См. письмо № 22 на с. 127, в котором Грюнвальд упоминает свой день рождения.

из его письма следует, что торговать собственным телом она была вынуждена в силу резкого перелома в положении ее семьи:

Он (Добролюбов) отзывался мне о ней так: она слишком простодушна; ее могут обирать всякие плутовки, и несколько раз выманивали у ней деньги. Очень возможно и вероятно, что дело в этом. Ее история (кстати) романична: до 12 лет она хорошо воспитывалась, изобильно жило ее семейство, потом стало [sic]²⁶. Расспрашивать ее об этом не годится — это больно ей: родные мерзко поступали с ней, — очень, очень²⁷. Это я знаю не по ее только рассказам, а также и от Добролюбова, который мне никогда не лгал (письмо Е.Н. Пыпиной 9 августа 1863 г.)²⁸.

Не будет большим преувеличением предположить, что в силу каких-то обстоятельств семья Грюнвальд потерпела финансовый крах. Глухой намек Чернышевского — «родные мерзко поступали с ней» — заставляет думать о худшем сценарии: возможно, родители сами вынудили дочь идти на заработки наиболее простым, как им казалось, способом — проституцией. Однако до 12 лет, если верить старшему товарищу Добролюбова, Тереза успела получить какое-то, вероятно, домашнее образование, причем довольно неплохое. Помимо родного немецкого, она овладела русским и изъяснялась на нем вполне свободно, хотя и с незначительными грамматическими ошибками, как это видно из ее писем. Уже сам факт, что девушка умела свободно писать, т.е. владела двумя письменными языками, в самом деле говорит о том, что в ее семье понимали значение грамоты и чтения. С большой вероятностью можно утверждать, что привычка читать у Терезы могла быть сформирована еще в детстве. Занятие проституцией выбило ее из привычного быта, но после знакомства с Добролюбовым она возобновила чтение: уже в первый год их знакомства начинающий критик стал приносить ей на квартиру книги²⁹, а с конца 1859 г. в ее письмах к Добролюбову все чаще появляются просьбы прислать какие-либо русские книги и учебники («пришли мне русских книг почитать», письмо № 15). В 1860 г., сокрушаясь о том, что постепенно забывает русский, Тереза писала ему из Дерпта: «Здесь совсем не говорят по-русс[ки], и невозможно достать русс[ких] книг, я бы с удовольствием почитала К[олокол], Совр[еменник]

²⁶ Сверено по подлиннику в РГАЛИ — так.

²⁷ Над строкой приписано мелко-мелко: «Говорить о Добролюбове с ней конечно можно». РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 567. Л. 5 об.

²⁸ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 14. М.: Гослитиздат, 1939–1953. С. 486. Важно добавить, что в данном случае мы имеем дело со сложным феноменом: прошлая жизнь Грюнвальд известна нам только в ее рассказе, дошедшем до нас в передаче Добролюбова и Чернышевского.

²⁹ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 568.

или От[ечественные] Зап[иски]» (письмо № 25, с. 136). Не исключено, конечно, что сказано это было для того, чтобы польстить Добролюбову, от которого женщина продолжала финансово зависеть, но вряд ли подлежит сомнению тот факт, что три года в каком-то смысле совместной жизни с критиком, разговоры и общение с ним подталкивали Грюнвальд и к чтению ведущих русских «толстых» журналов того времени.

О семье Грюнвальд нам почти ничего не известно. Единственный раз она упоминает об отце в письме к Добролюбову, где рассказывает о своей тяжелой болезни, во время которой решила просить отца о помощи (письмо № 4):

Отец мне ответил только тем, что сейчас мне помощи нет, что слишком скоро нужно, я к нему посылала 2 раза. 1ый раз он сказал, что скоро будет сам или письмом ответит мне. А 2ой раз он сказал, чтобы я подождала, что ему самому много нужно (с. 101).

Трудное финансовое положение семьи не способствовало укреплению родственных связей. Поддерживала общение Грюнвальд только с двоюродной сестрой, которую, возможно, звали Ольгой Александровной (см. примеч. 49 на с. 105). Накануне отъезда в Дерпт Тереза оставила ей какие-то предметы мебели, купленные, предположительно, при финансовом участии Добролюбова (письмо № 44). В письме Чернышевскому 1863 г. (№ 48) Грюнвальд утверждала, что в Петербурге у нее есть и «тетушка», однако никаких других подтверждений этому у нас нет.

Все эти детали складываются в общую картину одиночества и оставленности: как можно предполагать, Тереза Карловна чувствовала себя в каком-то смысле сиротой в таком мегаполисе, как Петербург, и ощущение это должно было быть особенно острым до встречи с привязавшимся к ней студентом Добролюбовым (тоже, к слову сказать, сиротой). Неудивительно, что когда к 1860 г. их отношения исчерпали себя, Грюнвальд решила уехать на поиски лучшей доли из Петербурга в Дерпт: в столице ее больше ничто не держало.

Сложно сказать, как Тереза Карловна оказалась на «квартире» у «тетки», как называли хозяек помещений, где девушки принимали клиентов. Русская литература 1860-х и медико-статистические отчеты врачей 1870-х годов описывают множество путей, приводивших девушек и женщин к необходимости оказывать сексуальные услуги. Все, что известно о жизни Терезы в 1856–1857 гг., до того, как Добролюбов помог ей выбраться из «бардака» (так в его дневнике и в просторечии того времени именовались бордели или квартиры, на которых жили и торговали собой женщины), сводится к нескольким пространственным записям Добролюбова